

Поскольку камера всё это время была направлена исключительно на Ли Чуана, зрители в прямом эфире даже не подозревали о тревоге, охватившей Цзянь Наня. У них, впрочем, были свои переживания:

«Ааааа, взгляд Ли-ге просто убивает!»

«Такой альфа! Папочка, иди ко мне!»

«Боже, на кого он так смотрит?!»

Другие судьи тоже заметили, что Ли Чуань молчит. Дунфан Юаньхуа едва заметно нахмурился и спросил:

— Какие-то замечания?

Поскольку к нему обратились, Ли Чуань, наконец, соизволил отвести взгляд, прекращая свой безмолвный допрос глазами в сторону Цзянь Наня.

— Попробуйте это, — сказал он, аккуратно разделяя ложкой кристальный пирожок и открывая спрятанную внутри начинку из засахаренных цветов османтуса.

Дунфан Юаньхуа взял ложку, зачерпнул немного и положил в рот. Через мгновение его лицо изменилось, и он повернулся к Ли Чуаню:

— Это...

Ли Чуань лишь приподнял бровь, не подтверждая, но и не отрицая.

У Цзянь Наня внутри всё похолодело.

У У Цяна, наблюдавшего за сценой, любопытство взяло верх — он тоже попробовал немного. Правда, в сладостях он не особенно разбирался, и потому не сразу понял, в чём дело, — только спросил:

— Этот сахар... он какой-то...

Дун Цзюньин нахмурился:

— Это не османтус.

Великий кинозвезда Ли Чуань откинулся на спинку стула, лениво, почти небрежно, приоткрыл тонкие губы:

— Верно. Это не османтус, а вишнёво-каштановый сироп.

— Хотя ингредиенты разные, но, вроде бы, не отравы, — неуверенно заметил У Цян.

— Нет, отравы там нет, — наконец заговорила Дунфан Юаньхуа. — Но этот парень приготовил кристальный пирожок... из картофельного крахмала.

Теперь и лицо У Цяна потемнело.

Вишнёвый каштан и картофельный крахмал, смешанные вместе, — это же смертельный коктейль! Хорошо хоть это было просто пирожное, и все съели лишь по кусочку — иначе их бы уже увозили в больницу.

Выражения лиц жюри были мрачными, участники на сцене недоумённо переглядывались.

Дунфан Юаньхуа поднесла микрофон к губам, голос прозвучал холодно и жёстко:

— Дин Мо, этот рецепт ты сам придумал?

Ладони Дин Мо, лежавшие на коленях, были влажными от пота. Конечно, рецепт был не его — он лишь «немного улучшил» чужой вариант. Но если признаться, что настоящий автор — Цзянь Нань, будет только хуже. Загнанный в угол, он натянуто ответил:

— Да.

Ли Чуань, не спеша, с ленивой интонацией произнёс:

— Раньше ты говорил, что «немного разбираешься» в кондитерском деле. Похоже, действительно — немного.

По виску Дин Мо скатилась холодная капля пота.

В чате трансляции тем временем закипали страсти:

«Что происходит?»

«О чём они? С пирожным что-то не так?»

«Ааа, не томите, скажите уже!»

Проблемы с безопасностью пищи в кулинарном шоу — это уже скандал вселенского масштаба. Резкая перемена в тоне жюри вызывала у зрителей бурю догадок, даже без прямых обвинений всё стало ясно без слов.

Дин Мо искоса бросил взгляд на Цзянь Наня.

Тот, словно почувствовав его взгляд, тоже посмотрел — на лице ни тени злорадства, только мягкое беспокойство. Когда их глаза встретились, Цзянь Нань даже чуть улыбнулся — тепло, почти утешающе.

Дин Мо сжал зубы так, что они едва не треснули. Он не разобрался в рецептуре, но был уверен: в этом деле Цзянь Нань точно не без греха!

Первым не выдержал молодой господин Дун Цзюньин:

— После того как приготовил, ты сам пробовал своё блюдо?

Лицо Дин Мо побледнело, и он, заметно запинаясь, ответил:

— Да... пробовал.

На самом деле — нет. Рецепт он получил всего несколько дней назад и успел опробовать его лишь однажды. Да, кусочек попробовал, но времени было в обрез, и он не придал значения

мелочам.

Атмосфера на площадке мгновенно накалилась — особенно у судейского стола.

Дун Цзюньин усмехнулся с неприкрытым сарказмом:

— Значит, у тебя крепчайшее здоровье, раз после этого ты не отравился.

Дин Мо остолбенел.

В эфире тоже поднялась волна:

«Что за черт? Там что, яд?»

«У него в блюде яд?!»

«А ведь говорил, что “разбирается”! Это же элементарная ошибка!»

Участники на сцене переглядывались: кто-то с удивлением, кто-то с жалостью. Но все взгляды, обращённые на Дин Мо, резали, как ножом — словно публичная казнь в прямом эфире.

— Не может быть! — выкрикнул он отчаянно. — Не может быть там яда! Этот рецепт я ведь взял у...

(прервал себя, осознав, что наговорил лишнего.)

Все взгляды мгновенно обратились в их сторону.

Дин Мо осёкся на полуслове и невольно посмотрел на Цзянь Наня. Тот стоял с безмятежным, почти невинным выражением лица, и лишь в глубине его глаз мелькала тень улыбки — едва заметная, но полная уверенности. Уверенности в том, что Дин Мо не осмелится сказать правду.

Дунфан Юаньхуа насторожилась, почувствовав неладное:

— Взял откуда?

Лицо Дин Мо то бледнело, то зеленело. Зубы скрипнули, будто он хотел их раздавить. Но, сжав кулаки, он всё-таки заставил себя выговорить:

— Из... из старого сборника рецептов. Я его сам немного изменил. Простите, учитель, я был слишком самоуверен... и допустил ошибку.

В зале поднялся ропот — словно кто-то бросил камень в воду, и волны мгновенно разошлись по всему помещению.

После такого заявления его участь была решена: дисквалификация — вопрос лишь формальности.

По сигналу режиссёра Дин Мо попросили покинуть сцену. Проходя мимо, он бросил в сторону Цзянь Наня тяжёлый, наполненный болью взгляд.

Цзянь Нань провожал его глазами, уголки губ чуть дрогнули — улыбка холодная, почти незаметная.

Он давно всё просчитал. Даже если бы Дин Мо решился сказать, что рецепт принадлежал ему, то в тот же момент его самого обвинили бы в плагиате. А тогда у Цзянь Наня остался бы свидетель — Ли-ге, способный подтвердить его правоту.

В этот раз он не оставит Дин Мо ни единого шанса.

За всё, что тот сделал с ним в прошлой жизни, он расплатится — медленно, до последней крупички.

— Хорошо, — произнесла Дунфан Юаньхуа с судейского места. — Все участники, чьи блюда уже оценены, могут идти отдыхать.

Цзянь Нань поклонился и направился за кулисы. Но едва он ступил за сцену, как кто-то резко схватил его за руку и потащил в сторону, не давая вымолвить ни слова.

Дин Мо двигался быстро, почти рывками, словно боялся, что тот вырвется.

«Бах!»

Дверь гримёрки распахнулась и с грохотом захлопнулась за ними.

— Это ты, да?! — лицо Дин Мо, обычно мягкое и милое, перекосилось от злости. — Это твой рецепт, правда? Ты знал, что он опасен!

Цзянь Нань тихо потёр запястье, туда, где остались следы от хватки, и молчал.

— Почему ты так поступил?! — Дин Мо шагнул ближе, толкнул его в грудь. — Почему?! У тебя же талант! Даже без этого проклятого пирожного ты бы прошёл дальше! Зачем было меня подставлять?! Зачем, скажи!

«ПЛЁС!»

Звонкая пощёчина разорвала воздух.

Эта пощёчина была за прошлую жизнь — за ту боль, что он тогда испытал от предательства.

Дин Мо застыл, не в силах поверить в происходящее. На его бледной щеке ярко вспыхнул след от удара. А напротив стоял Цзянь Нань — спокойный, холодный, без единой эмоции.

Воздух будто застыл.

Прошло несколько секунд.

Дин Мо с трудом поднял взгляд, потрясённый:

— Ты... ударил меня?

Цзянь Нань чуть склонил голову, голос стал мягким, почти заботливым:

— Я ударил тебя? Что ты, нет... — он сделал шаг вперёд, в его голосе зазвучала фальшивая нежность. — Больно? Дай я посмотрю...

«ПЛЁС!»

Вторая пощёчина прозвучала ещё отчётливее. Щёки Дин Мо вспыхнули алым пламенем, на глазах выступили слёзы.

Эта пощёчина — за предательство, совершённое Дин Мо в этой жизни.

— Цзянь Нань, ты с ума сошёл?! — Дин Мо, ещё минуту назад осатаневший от ярости, теперь смотрел на него с покрасневшими глазами. Он вскинул руку, намереваясь ответить ударом, но Цзянь Нань перехватил его запястье. В следующую секунду прямо к лицу Дин Мо приблизился экран телефона.

На видео — ясная, чёткая запись, снятая тем самым днём: Дин Мо тщательно снимает чужой рецепт.

Глаза Дин Мо расширились от ужаса.

— Ну же, кричи, — мягко, почти весело произнёс Цзянь Нань, в его круглых глазах мерцала насмешка. — Позови всех. Пусть посмотрят, как плагиатор твякает, обвиняя других.

Дин Мо дрожал, злость и страх смешались в нём до удушья.

— Ты... специально всё подстроил?

Цзянь Нань коротко усмехнулся, не утруждая себя ответом.

— Нань-Нань... — Дин Мо быстро сообразил, что лучше сменить тактику. Голос его стал мягким, почти жалобным: — Прости. Прости, я виноват. Я сделал это нарочно, просто очень хотел пройти дальше. Не сердись, ладно?

Цзянь Нань молча откинулся на край шкафа, скрестив руки на груди. Он смотрел на Дин Мо сверху вниз, равнодушно, холодно. А в голове звучали слова, услышанные тогда, после смерти — когда он уже был ничем, лишь блуждающей душой, без права голоса.

«Этот тупой Цзянь Нань... сдох — и поделом.»

«Он ещё мечтал выйти за Ли Чуаня? Лягушка возомнила себя лебедем!»

«Теперь, когда за ним больше никто не стоит, я сам позабочусь, чтобы он исчез из шоу-бизнеса навсегда.»

Он помнил каждое слово.

Когда-то он верил в этого человека, защищал его, делился всем, что имел. А тот — только улыбался в ответ, мечтая, чтобы он умер.

Дин Мо всё ещё лепетал, голос дрожал:

— Нань-Нань... почему ты молчишь? Скажи хоть что-нибудь...

Цзянь Нань медленно поднял взгляд. Его глаза, обычно мягкие и тёплые, потемнели, стали ледяными, чужими.

— Дин Мо, — произнёс он спокойно, почти устало. — Скажи... чем я тебе когда-нибудь навредил?

Дин Мо растерянно моргнул.

— Когда у тебя не было проектов — я делился своими. Когда тебя обижали — я заступался. Всё, что мог, я делал ради тебя. А ты?

В груди Цзянь Наня всё кипело — не от злости, а от бессильного непонимания. Сколько лет дружбы, поддержки, заботы — и всё это ради чего? Чтобы в ответ получить ненависть?

Дин Мо сжал губы, а затем вдруг резко рассмеялся — глухо, зло, почти истерично.

— Ты говоришь, что думал обо мне? — усмехнулся он, глядя исподлобья. — Разве не просто хвастался?

Он поднял лицо, искажённое обидой и завистью:

— Ты прекрасно знал, что я тоже люблю Ли Чуаня, но всё равно вышел за него! Все «возможности», что ты мне подсовывал, — это ведь то, что тебе самому было не нужно! «Заступался за меня»? Ха! Просто хотел показать всем, что у тебя есть связи, что за тобой стоит Ли Чуань!

Он шагнул вперёд, взгляд полон ярости:

— Думаешь, я не вижу? Даже в этом шоу ты решил использовать меня, подставить, чтобы снова показаться благородным!

Цзянь Нань молчал. Смотрел прямо ему в глаза.

Хотелось рассмеяться, но смех застрял где-то в горле, обернувшись болью.

Голос, когда он заговорил, был хриплым и тихим:

— Значит... ты всегда так думал.

— Не строй из себя святого, — усмехнулся Дин Мо, его голос звенел ядом. — Хочешь правду? Когда ты развёлся с Ли Чуанем, я был счастлив. Просто до дрожи счастлив.

Он сделал шаг вперёд, губы искривились в усмешке:

— Когда тебе плохо — мне хорошо. Когда ты падаешь — мне легче дышать. Знаешь, что меня до сих пор бесит? Что после всего того скандала он тебя не уничтожил! Почему он тебя не вычеркнул, а, Цзянь Нань?!

Он вдруг скривился, глаза сверкнули ненавистью:

— Я ненавижу тебя. Ненавижу до такой степени, что мечтаю, чтобы ты сдох. Слышишь? Сдох!

В комнате воцарилась тишина.

Тягучая, гулкая, почти осязаемая.

Цзянь Нань просто смотрел на него — спокойно, не моргая. Минуты тянулись бесконечно. И вдруг он улыбнулся — ярко, ослепительно, почти красиво. Наклонил голову и мягко произнёс:

— Тогда наслаждайся этой радостью, пока можешь.

Дин Мо застыл, нахмурился:

— Что ты... что ты имеешь в виду?

— А то, — Цзянь Нань сделал шаг вперёд. Его походка стала плавной, но в ней чувствовалось что-то хищное. — Очень скоро ты больше не узнаешь, что такое счастье.

В его взгляде было что-то нечеловеческое. Тень, холод, почти осязаемая бездушность.

Дин Мо попятился, пока спиной не уткнулся в стену.

Цзянь Нань не отводил глаз, приближаясь:

— Пока я жив, ты не пройдёшь ни одного отбора. Все твои проекты — исчезнут. Каждый, кто когда-то тебе помогал, отвернётся. Тех, кто тебя задирает, судьба снова сведёт с тобой, и один за другим они разорвут тебя на части. Тебя выжмут, забудут, заморозят.

Он наклонился ближе, так, что Дин Мо почувствовал холод его дыхания.

— Я не умру, — шепнул Цзянь Нань, и голос его был тихим, как дыхание демона. — Но я позабочусь, чтобы для тебя настало нечто более худшее, чем смерть.

Всё, что ты мне должен, ты вернёшь. До последней капли.

Страх, ледяной и липкий, прошёлся по телу Дин Мо. А потом пришла ярость — отчаянная, бессильная. Он, не помня себя, рванул вперёд и толкнул Цзянь Наня.

Тот отшатнулся, но устоял. Дин Мо уже занёс руку, собираясь ударить, как вдруг...

«Бах!»

Дверь распахнулась.

На пороге стоял Ли Чуань. Высокий, холодный, с прищуром хищной птицы. Его взгляд — острый, как лезвие, — обвёл комнату.

Дин Мо будто увидел спасителя:

— Ли-ге! Ли-ге, ты как раз вовремя! Цзянь Нань — он... он спятил!

Ли Чуань посмотрел на него без малейшего выражения. Холод. Пустота.

А Цзянь Нань, словно ничего не случилось, поправил одежду и подошёл ближе, мягко, почти послушно:

— Ты... ты пришел?

Ли Чуань поднял глаза.

— А как ты думаешь, почему?

Цзянь Нань на мгновение опустил взгляд, сердце болезненно дрогнуло. Он вспомнил, как манипулировал им — и на мгновение стало не по себе. Сдержанно кашлянув, он тихо произнёс:

— Я... я хотел всё объяснить. Но Дин Мо схватил меня и потащил сюда. Если бы ты не пришел, я даже не знаю, что бы он со мной сделал...

Дин Мо вскрикнул, глаза налились кровью:

— Лгун! Подонок, что ты несёшь?!

«Бах!»

Прежде чем он успел подойти, раздался короткий звук удара — точнее, пинка. Ли Чуань даже не взглянул в его сторону, просто поднял ногу и оттолкнул.

Дин Мо, словно тряпичная кукла, отлетел к шкафу, с грохотом ударившись о дверцу.

На этот раз уже Цзянь Нань остолбенел. Его губы чуть приоткрылись — в изумлении, почти в неверии.

— Фотографии, где ты «передаёшь кошелёк»... — Ли Чуань стоял, привалившись к дверному косяку. Его голос прозвучал тихо, но в нём сквозил ледяной металл. — Это ведь ты снимал, да?

Он смотрел сверху вниз, взглядом, от которого хотелось провалиться под землю.

— Кто тебе дал право? — добавил он холодно.

У Дин Мо дёрнулась щека. Его словно ударило током — Ли Чуань знает.

Страх, как густая тень, оплёл его с головы до ног. Но он ещё пытался выкрутиться:

— Н-не я... это Цзянь Нань хотел пропиариться за твой счёт! Ты же сам слышал, он только что тут нес такую чушь! Он... он всегда был фальшивкой, всё притворялся, он не тот, кем кажется!

Цзянь Нань вздрогнул.

Он не ожидал, что Ли Чуань всё это слышал за дверью.

А Ли Чуань слышал всё.

И теперь... что он подумает о нём?

Воздух в комнате стал тяжёлым, вязким. Молчание тянулось долго, как вечность.

И вдруг Ли Чуань усмехнулся — коротко, холодно:

— С тех пор как он носил штаны с прорезью, он за мной хвостом бегаёт. Думаешь, мне нужно, чтобы ты рассказывал, кто он?

У Дин Мо лицо побелело, словно ему дали пощёчину.

Ли Чуань даже не взглянул больше в его сторону. Просто развернулся, шагнул к двери.

— Ты что, стоишь? — бросил через плечо. — Пошли.

Цзянь Нань опомнился и поспешил за ним, почти инстинктивно, как и раньше — годами. Ли Чуань всегда шёл впереди, а он — на полшага позади, будто всё ещё верил: пока этот человек впереди, ничто не сможет его сломить.

Он поймал себя на том, что горло предательски сжалось, а в носу защипало.

Нелепо. Слишком по-детски.

Он выровнял дыхание и, стараясь говорить ровно, произнёс:

— Я... я не пытался никому навредить. Там, в рецепте, та выпечка... если съесть немного — ничего не будет. Ну, максимум... живот скрутит. Но это не яд.

— Угу, — отозвался Ли Чуань, не оборачиваясь.

Этого короткого звука хватило, чтобы Цзянь Нань занервничал ещё сильнее.

Все могли думать о нём что угодно — он привык. Но только не он.

Он не мог вынести мысли, что Ли Чуань ему не верит.

И вдруг мужчина остановился, обернулся, взгляд стал мягче, в голосе прозвучало ленивое тепло:

— Расслабься. Я знаю, ты бы так не поступил.

На миг Цзянь Нань замер. Что-то тёплое, почти забытое, шевельнулось внутри.

Но не успел он даже толком ощутить облегчение, как Ли Чуань, чуть прищурившись, добавил с ленивой усмешкой:

— У тебя просто мозгов не хватило бы, чтобы кого-то так подставить.

Цзянь Нань: «...»

Он молча сглотнул.

— Ага. Спасибо за доверие.

И мысленно добавил:

Своё растроганное сердце — забери обратно, пожалуйста.

<http://bllate.org/book/12642/1121256>